

Глава 1

ПАРУСА ХАРОНА

Заря.

Заря пробивалась над темными водами. Белое солнце Колхиды золотилось низко у горизонта. Соленый ветер сдувал со лба непослушные волосы, жалил лицо.

Я застыл у могилы Гибсона.

Валка ушла со всеми. Они отправились в старый прибрежный лагерь, а я остался стоять на коленях в грязи перед возведенным нами курганом. Древняя традиция предписывала, что тело лорда должно быть омыто катарами, забальзамировано, а органы удалены и помещены в погребальные урны. После этого наследникам положено провести три дня в бдении возле почившего, поочередно отлучаясь на сон — или вовсе отказываясь от сна. Гибсон как-то рассказывал, что мой отец справился с обрядом в одиночку, преклонив колени в часовне Обители Дьявола перед телом лорда Тимона, моего деда. Сам я помню, как лежала в порфириновом гроте моя бабушка леди Фуксия. Нам с братом не позволяли к ней заходить, но мы ослушались. В том пурпурном зале я впервые повстречал Смерть, и ее зловоние с тех пор не покидало меня.

У нас не было ни катаров, ни погребальных урн, ни даже трех дней на бдение — возможно, это и к лучшему. Гибсон хотя и был палатином, но умер схоластом. По канонам его ордена схоласты должны быть кремированы, а их прах развеян по ветру.

Праха.

На кремацию тоже не хватило времени.

Оно вышло, истекло, кончилось.

Кажется, я уснул, сидя на пятках на утрамбованной земле. Или меня посетило очередное видение?

Передо мной раскинулся незнакомый океан, уходящий к горизонту вдоль усыпанного костями берега. Рыцари в зеркальных доспехах несли дозор у постели с красным шелковым балдахинем, на которой умирал человек. Я лежал в такой же постели. С Селеной. С Селеной и Валкой. С одной лишь Валкой.

Один.

В полном одиночестве.

Напротив села женщина в золотых одеждах, с глазами, похожими на черные солнца. Картина сменилась, и я увидел Дораяику — Шиому Элушу, — идущего среди колонн Вечного Города в сопровождении Вати и Аттавайсы. Затем передо мной возникло улыбчивое лицо императора и, как в калейдоскопе, раздвоилось. Я моргнул и обнаружил, что на меня смотрят двое: я сам и принц Александр, сидящие на золотых тронах. Океан отступил, вода побежала прочь от моих ног, и я узрел мрак. Темный квадрат, обрамленный светом. Он был чернее самой черноты, чернее камней Анитьи, чернее Ревущей Тьмы.

Окно в ночь.

Почему простое окно пробудило во мне такой страх и грусть?

Я прищурился.

Помню, как все это время меня трепал соленый ветер, пригибая к земле высокую траву, росшую вдоль утесов. Белые барашки волн рыжели в полуночном сиянии газового гиганта Атласа, лимб которого низко нависал над горизонтом, затмевая любую луну.

— Адр, пора, — хлопнули меня по плечу.

Отвернувшись от кургана Гибсона, я неожиданно увидел Паллино. Старый мирмидонец улыбнулся. Он был седовласым, как в день нашей первой встречи, а один глаз закрывала потертая кожаная повязка.

— Ты уже вдоволь насиделся, Адр.

— Старина, как ты подкрался ко мне? — спросил я, встав на колено.

Лишь тогда я вспомнил, что Паллино погиб, — и его образ растворился в воздухе. Я зажмурился и снова открыл глаза.

Рядом никого не было.

Ноги затекли. Я попытался подняться, но все тело заныло. Болью отозвалось искалеченное плечо, и я оперся о землю левой рукой с полыми костями, чтобы помочь себе встать.

Я чувствовал себя измотанным. Наверное, хуже было только в первую ночь на «Ашкелоне», когда мы с Валкой сбежали с Актеруму. Я вспомнил Актеруму и Паллино, погибшего там с тысячами других солдат, вспомнил коронацию Дораяики — и это омрачило новый день, как бывает, когда серые тучи погребают бледное солнце.

Я потянулся и положил ладонь — правую, трехпалую — на верхний камень на кургане Гибсона. У меня не нашлось слов для прощальной речи или обещаний. Что вообще я мог сказать такого, чего он еще не слышал, не знал?

Ничего.

Я лишь смахнул с камня росу, обнажив едва заметную надпись, сделанную мной рыбацким ножом. Улыбнулся, глядя на нее, и подставил лицо солнцу.

Время пришло.

Первой меня увидела Валка. Возможно, она, как и я у могилы Гибсона, несла дежурство в старом лагере, не прерываясь на сон.

Валка без слов обняла меня и обхватила холодными пальцами мое лицо.

— Как ты? — спросила она, когда мы отпустили друг друга.

Оглянувшись, я увидел Имру — удивительно похожую на Сиран — в дверях жилого модуля, оставленного здесь столетия назад Красным отрядом.

— Призраки совсем замучили, — с улыбкой ответил я.

— Ты сам выглядишь как призрак, — заметила Валка, отвлекая меня от юной хранительницы Фессы.

— Ночь выдалась длинная.

Я обнял ее за плечи и снова постарался улыбнуться.

Валка сделала шаг назад. Ее золотистые глаза внимательно, оценивающе осмотрели меня.

— Тебе бы вымыться. Я уже почти все погрузила в лодку. Имра говорит, можем отправляться, как только будешь готов.

— Я готов. Вымоюсь на «Ашкелоне». Ни к чему задерживаться. В Империи уже знают, что мы здесь?

— Наверняка, — кивнула Валка. — Мне пришлось представиться по имени, чтобы вызвать Гибсону врача. Они это точно заметили.

Я бросил взгляд на море, на серую громаду у светлеющего горизонта — остров Раха — и повернулся к Имре:

— Боюсь, я подверг ваш народ опасности.

Севрастийка произнесла на своем языке то ли молитву, то ли проклятие — об этом я мог лишь гадать — и махнула рукой, как будто что-то выбросила.

— Они нас не потревожат. Им нужны вы.

— Тем более уезжаем как можно скорее.

Я бы не простил себя, если бы с островитянами что-то случилось.

— Куда вы теперь? — спросила Имра.

Мы с Валкой молча переглянулись. После визита на Фессу и другие острова я собирался напрямик на Эю и в атенеум Нов-Белгаэр, но неожиданная встреча с Гибсоном, дожившим до моего возвращения вопреки всем надеждам и логике, поколебала нашу решительность. После стольких лет на «Ашкелоне», после того черного дня на Эуэ и моих долгих мучений на Дхаран-Туне я никак не мог заставить себя вернуться в Империю, отдаться на ее суд и произвол.

Я не хотел покидать Гибсона.

Но твердо знал, что должен.

Не сводя глаз с Валки, я ответил Имре:

— Отправимся в город. Устроим сюрприз. Высадимся прямо в Нов-Белгаэре и поговорим со схоластами...

Я запнулся, вспомнив, что Гибсон бормотал в горячечном бреде. Он говорил о своем сыне — настоящем сыне — и принимал меня за него. Он звал каких-то Алоиса и Ливия и считал, что находится на Белуше, самой страшной имперской планете-тюрьме.

— Атенеумом по-прежнему руководит примат Арриан? — обратился я к Имре.

— Арриан? — переспросила она, сдвинув темные брови.

Это представлялось вполне вероятным. Когда мы в прошлый раз прилетали на Колхиду, Тор Арриан был еще молод; вдобавок он — сам из дома Авентов — приходился родней императору. Безусловно, за столетия примат не мог не состариться, но умирать ему было еще рановато.

— Имя знакомое. Императорский кузен или вроде того? Мы с горожанами мало контактируем, но, кажется, он до сих пор там.

— Хорошо.

Представ перед членом императорской семьи, я бы усложнил задачу для Капеллы и других ведомств, готовых воспользоваться любой возможностью устранить меня.

У генерал-губернатора Ээи был телеграф, напрямую связанный с кораблем императора. Я мог бы, минуя Имперский совет и отдельные министерства, послать сообщение лично кесарю по линии, о которой он сообщил мне, когда мы впервые отправились на Колхиду. Телеграф был и на «Тамерлане», а вот на «Ашкелоне» его не было.

— Мой арест должен получить как можно большую огласку, — заявил я.

— Арест? — недоуменно спросила Имра.

Она, очевидно, думала, что в Империи все на одной стороне и готовы горой стоять друг за друга.

— Задержание, назовем это так, — ответил я.

Нас с Валкой наверняка считали погибшими от рук сельсинов. Если Дораяика сдержал слово — а у меня не было причин сомневаться в этом, — то Лориан Аристид уже добрался до Форума с новостями об объединении сельсинов в одну бледную империю, более чем готовую соперничать с нашей, алой.

Я мысленно передвигал шахматные фигуры.

Наше спасение станет большой неожиданностью.

— Может, лучше отправиться к генерал-губернатору? — предложила Валка.

Нов-Белгаэр не входил в наши изначальные планы, которые мы обсуждали всю дорогу.

Она еще не успела договорить, как я помотал головой:

— Мне нужно увидеться с Аррианом. Задать кое-какие вопросы.

— О Гибсоне? — шагнула ко мне Валка.

Я потянулся, чтобы пригладить свои спутанные волосы, но заметил на ладони грязь. Пальцы были покрыты запекшейся кровью: фаланги растрескались от вчерашних трудов. Тонкие царапины на запястьях краснели рядом с бледными старыми шрамами. Все тело ныло.

— Гибсон так и не рассказал мне, кто он такой.

— Какая разница? — нахмурилась Валка. — Важно, кем он был для тебя.

— Но как он заплатил за все это? — спросил я, раскинув руки, словно хотел обнять остров. — Один только медицинский модуль стоит десять миллионов марок! Как его доставили сюда незамеченным? Разве тебе не интересно?

По правде говоря, сейчас я подозреваю, что Валке на самом деле все было известно. Я часто ложился спать рано, а она оставалась наедине со стариком и беседовала с ним порой до утра. Но тогда я об этом не задумывался.

— Имра! — окликнул с берега грубый мужской голос. — Доктор спрашивает, когда мы отправляемся!

Это был Альвар, брат Имры. Он стоял на каменном причале, сооруженном раханцами, и кричал, сложив ладони вокруг рта.

Праправнуки Сиран...

— Что?!

Солнце как будто осенило Имру и Альвара нимбами, и я на миг улыбнулся между его вопросом и ее ответом. Из моих поступков, сколь бы незначительны они ни были, из Красного отряда все-таки зародилось нечто хорошее. Сиран умерла, но умерла счастливой, оставив после себя наследников. Лориан до сих пор где-то жив. А еще был Хлыет — хотя я не сомневался, что он-то давным-давно умер. Обрел ли он счастье, несмотря на обиду? Улыбка сползла с моего лица, когда я понял, что, прогнав его, спас от гибели на Актеруму. Мог ли я спасти остальных, если бы прогнал и их тоже?

— Говорю, доктор спрашивает, когда мы возвращаемся! Ей домой пора! — прокричал Альвар.

— Скажи, что скоро! — ответила Имра. — Валка уже все упаковала, а лорд Марло спустился с горы!

Альвар на миг замешкался и, всмотревшись, обнаружил меня рядом с женщинами.

— Милорд, как вы?

Я молча помахал ему, дескать, все в порядке, и спросил Валку:

— Что еще осталось собрать?

— Только твои вещи. Я их более-менее рассортировала, пока ждала тебя. Не трогала лишь то, что может скоро понадобиться. Тебе бы самому на них взглянуть. Это недолго.

Пожалуй, она была права. Я кивнул в ответ и прошел мимо них с Имрой в модуль, который мы делили с Гибсоном. Валка

говорила, что это тот же самый, где мы с ней жили в первое прибытие на Фессу, но я не помнил. В отличие от большинства модулей, которые, по сути, были общежитиями на пятьдесят человек, наш предназначался для высших офицерских чинов. В нем было всего четыре спальни, а посередине располагалась общая комната, выходящая на веранду, которую построили местные. Таким был наш дом в те быстротечные годы, что мы провели на Колхиде, и, стоя сейчас на пороге, я понял, что больше не увижу его.

Я был здесь, потому что мне нужно было вернуться на Колхиду. Ради Сиран, ради Гибсона, ради того, чтобы вновь почувствовать себя полноценным. Могила Сиран в моем понимании стала монументом Красному отряду. Я возвел курганы по всему острову и похоронил Гибсона. У меня больше не было причин оставаться здесь. Я даже сомневался, что мне хватит сил снова подняться на погребальный холм среди скал.

Пора уходить.

Оказалось, что на самом деле Валка упаковала почти все мои вещи. Рядом со смятой постелью стояли два черных сундука, а на них — открытая сумка. Лишенная привычных элементов нашего быта, комната стала безжизненной, стерильной и как будто увеличилась в размерах. На серых простынях меня дождалась свежая одежда. Не бриджи и льняная туника, которые я носил здесь, подражая местным рыбакам, а старый черный марловский мундир.

Подгоняемый временем, я избавился от грязной одежды, побросав ее прямо на пол, и залез в ванну. Меня встретило мое покрытое шрамами отражение. Челка и виски, когда-то черные, уже покрылись сединой. Но даже потный и грязный после ночного рытья могилы, я все равно выглядел лучше, чем в последние годы. Я больше не напоминал скелет, выползший из «Ашкелона», чтобы порезвиться в соленых брызгах под солнцем. Вместо него был не старый и не молодой мужчина с глубокими, как море, глазами и отстраненным взглядом. На исхудалых руках и ногах вновь выросли мышцы, но шрамов было не счесть, а движения оставались неуклюжими и болезненными. Левую щеку исполосовали следы сельсинских когтей, и все же в рассветных лучах казалось, что этот мужчина благородно их презрел.

На Колхиде наступал новый день. Для Адриана Марло он был прекрасен, как и любой другой.

Уродство мира никуда не исчезает, а время не лечит ни боль, ни страх. Страдания не забываются.

Но от каждого удара мы становимся сильнее.

Вымывшись и облачившись в черное, с кожаной сумкой на плече я покинул модуль. Валка не пришла меня поторопить, но я и не терял времени зря. Если на Фессу в поисках нас прибыли местные префекты, то мы обгоняли их на шаг: им предстояло найти одежду на полу, смятые постели и невключенный кондиционер.

— Готов? — спросила Валка, поднимаясь с резной деревянной скамьи под круглым окном.

— Где Имра? — ответил я вопросом на вопрос.

— Уже на судне, — сказала Валка, заплетая косу.

— Гино с Альваром могут взять сундуки. Я все собрал, — кивнул я на сумку.

Валка протянула мне татуированную руку, и мы спустились по каменным ступеням к окруженному водой причалу. Благодаря близости Атласа приливы здесь были мощными, и сейчас волны захлестывали пирс со всех сторон. Дойдя до конца причала, мы расцепили руки, и я попросил Альвара, стоявшего у планшира, поторопиться и вместе с братом принести наши сундуки.

Имра вышла из крытой кабины, служившей маленькому траулеру капитанским мостиком. Солнце поднималось, и она надела широкую коническую соломенную шляпу с лентами под подбородком и подвязала пеструю льняную рубаху, чтобы не намочить. За Имрой появилась пожилая седовласая женщина в голубой тунике и шароварах. Врач, которая не успела помочь Гибсону.

— Ну что, едем? — спросила она.

Я смерил ее уничижительным взглядом. Человек умер. Лучший из всех, кого я знал. А эта женщина, видите ли, спешила. Я повернулся к носу корабля и, не удостоив ее ответом, забрался на полубак.

Рядом возникла тень.

— Думаю, твоя работа закончена, — сказал я, глядя на хранительницу Фессы.

Имра поправила пальцем шляпу, не сводя глаз с берега.

— Ничуть, — ответила она. — Мертвым все равно нужен хранитель. На севере острова теперь хоронят родных кое-кто из местных. Те, что побогаче. А когда узнают, что Полусмертный побывал здесь, чтобы возвести памятники павшим товарищам, жители всех островов захотят быть похороненными в этом месте.

Имра с улыбкой повернулась ко мне. Ее миндалевидные глаза и волевой подбородок придавали ей поразительное сходство с Сиран.

— На островах, — добавила она, — многие хвастаются родством с соратниками Марло. Если появится возможность приблизиться к легенде, пусть даже таким образом, они ею воспользуются.

— Легенда... — покачав головой, процедил я, безуспешно пытаясь скрыть презрение.

Имра, кажется, не заметила.

— Хранители будут всегда, — сказала она, облокотившись о бортовую леер. — Подумать только! На мою долю выпало встретить вас.

— Я обязан тебе и твоей семье стольким, что и представить трудно. Вы присматривали за Гибсоном. Я благодарен вам... за все.

— Милорд, вы нам ничем не обязаны, — помотала головой Имра и пожала худыми плечами под льняной рубахой. — Без вас никто из нас не появился бы на свет. Вы оставили здесь Сиран. Отдали ей приказ.

— Это она так сказала? — чуть не рассмеялся я.

— «Живи счастливо и поставь за нас свечку в святилище», — продекламировала Имра тоном священника на проповеди.

Я не сразу узнал свои же слова. Не вспомнил их.

«Нам понадобится помощь свыше».

Ставить свечи пришлось почти за всех...

— Я сказал просто «живи», — поправил я Имру после долгого молчания.

Это были мои последние слова, обращенные к Сиран с Эмеша в тоннеле у стартовой площадки ээйского космопорта.

— А она не говорила, что я ее едва не проклял?..

Имра покачала головой:

— Я ведь не знала ее лично.

Хранительница прекрасно умела контролировать эмоции, и я не понял, что она чувствует.

— Но ты думала, что я ее благословил? Позволил остаться здесь в награду?..

Я поднял взгляд и увидел, как Альвар и Гино тащат первый сундук. Справа от нас чайка спикировала на воду, поймав неосторожную рыбу.

— ...Она не рассказывала твоим бабушкам, что нарушила клятву? Что практически требовала казнить ее за дезертирство?..

Что промелькнуло в глазах девушки? Ужас? Удивление? Замешательство?

Я выпустил воздух сквозь зубы:

— Когда-то у меня был друг. Он предал меня, и я... прогнал его. Сиран понимала, что, если предаст меня, если захочет уйти, я не стану ее останавливать. Я никого из них не оставил.

Отвернувшись от Имры, я уставился на скалы у могилы Гибсона. Отсюда, с воды, она была почти различима.

— ...Теперь я жалею, что не отпустил с Сиран весь отряд. Тогда бы они тоже остались живы.

Я почувствовал, как Валка сверлит взглядом мой затылок. Мы проходили это уже тысячу раз.

— Милорд, никому не дано жить вечно, — пораздумав, сказала Имра.

Гино с Альваром занесли сундук на борт и отправились за вторым.

— Если бы они остались, их могилы все равно появились бы на Фессе, только копали бы их не вы...

Ее теплая ладонь коснулась моей руки.

— ...Боги даже зло обращают в добро. Если, как вы говорите, Сиран вас предала, это случилось для того, чтобы мы были здесь, когда вы вернетесь. И ваш отец. Я верю, что все зло, с которым вам довелось столкнуться, рано или поздно обратится в благо.

На это мне нечего было ответить. Я ведь и сам когда-то декламировал нечто подобное?

— Имра, ты знаешь, что живешь на невероятно красивой планете? — спросил я, оглядывая остров мертвых, прежде чем вновь повернуться к девушке.

— Знаю, — ответила хранительница с улыбкой.

Позади нее заулыбалась Валка.

— У меня никогда не получалось задержаться где-то надолго, чтобы увидеть красоту, — сказал я. — Всю жизнь. Всю жизнь я гнался за мечтой. Эту мечту предала Сиран, предал Хлыст — тот мой друг. Меня коробило, что у них были свои мечты.

Я положил руку на плечо хранительницы:

— Имра, я перед вами в долгу. Перед всем вашим родом. Перед Сиран. Вы напомнили мне, каково быть... человеком.

«Мы так часто не замечаем истины, потому что не смотрим себе под ноги».

Слова Гибсона как будто слетели с его кургана и разнеслись над водой.

— Вершина... у подножия мира, — кивнул я на гору, где он был похоронен.

Когда еще глядеть под ноги, как не стоя у могилы?

— Что?

«Ищи трудности».

— Ничего, — улыбнувшись, ответил я.

Альвар и Гино вскоре вернулись; швартовы были отданы, и лодка отошла от берега. Прилив стихал. Перекликаясь, рыбаки повели судно к Рахе, где ждал «Ашкелон», а дальше — целая вселенная.

Я перешел на корму, чтобы посмотреть, как остров скроется из вида.

Но он не исчезал.

Восходящее солнце озаряло серебристое море неярким светом. Лучи цеплялись за белые камни, венчавшие остров мертвых. Бесчисленные курганы блестели на заре бледно-огненными пальцами. Памятники не смерти, а славе.

Мои друзья погибли. Гибсон умер. Их души отправились в Ревущую Тьму, чтобы, в отличие от меня, никогда не вернуться.

В отличие от меня...

Я был жив и твердо знал, что не плыву в когти смерти, а возвращаюсь к жизни, в мир людей. И я был не один.

Валка взяла меня за руку.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АТЕНЕУМ

— Я хочу знать, кем он был, — повторил я, восседая на краю кресла.

Напротив меня, за океаном лакированного дерева, пергаментными островами и медными скалами письменных принадлежностей, прищурился постаревший примат Арриан. Когда-то он был принцем, представителем младшей линии правящего рода. Это общеизвестно. Приматы Великой библиотеки почти всегда императорской крови. Тор Арамину, спроектировавший атенеум Нов-Белгаэр и тайные архивы, где хранился мериканский деймон Горизонт, приходился родным братом императору Гавриилу Второму. Однако, выбирая новые имена, схоласты отрекались от прежней жизни и посвящали себя науке, учебе и служению.

Арриан был исключением. Его назначение приматом имперского архива было политическим ходом. Почему бы и нет? Большинство схоластов являлись палатинами, младшими сыновьями и дочерьми древних семейств. Каждый когда-то был другим человеком, со своими связями и обузами. Немудрено, что император предпочел видеть начальником крупнейшей библиотеки человека, связанного с ним кровью и долгом, и именно от него получать всю необходимую информацию.

«Только прошлое неизменно», — говорил мне Гибсон.

На Колхиде, где прошлое систематизировалось и сортировалось, это было более чем справедливо. Если на мой вопрос существовал ответ, то искать его следовало здесь.

— Лорд Марло, не приказывайте мне, — заявил примат. — На этот раз вы прибыли не по распоряжению императора.

Он сильно постарел. Прожитые столетия оставили на нем свой след. Рыжие волосы приобрели желтоватый оттенок слоновой кости. Прежде гладкое лицо покрылось морщинами, став похожим на источенный водой известняк. А глаза... эти фамильные изумруды, некогда такие же яркие, как у самого императора, выцвели в дымчатое стекло и спрятались за сложным оптическим прибором со множеством линз, благодаря которым Арриан до сих пор еще что-то видел. Однако его характер

был выкован из имперского железа и не прогнулся под моим напором.

— А вы не угрожайте мне, примат, — холодно сказал я.

— Я и не угрожаю, — ответил Тор Арриан. — Просто напоминаю, ваша светлость, что пустил вас сюда из любезности, которой есть предел...

Он передвинул стопку бумаг, лежавшую перед ним. В камине — единственном источнике тепла в этой холодной каменной комнате — потрескивал огонь; пахло торфом.

— Вы весьма помогли нам в свой предыдущий визит, за что мы крайне признательны. В знак благодарности мы вновь открыли перед вами двери.

— Примат, не водите меня за нос.

Мне пришлось почти час простоять снаружи под мелким дождем, кричать и колотить в ворота. Лишь упоминание о смерти Гибсона заставило троих братьев в зеленых мантиях впустить меня и отвести к Арриану.

— Но мой прежний визит тут ни при чем, — прищурился я. — Вы впустили меня из любопытства.

— Мы считали, что Гибсон вот уже не одну сотню лет как мертв, — признал примат. — Островитяне даже привозили его прах.

Он положил на стол скрюченные узловатые руки и добавил:

— Да и вас тоже записали в погибшие.

Это удивило меня. Действительно, с моего прибытия на Падмурак прошло почти полсотни лет, но я не ожидал, что вести о моем исчезновении так скоро достигнут атенеума и разнесутся по Империи. Я думал, имперская пропаганда сочтет гибель Адриана Полусмертного информацией, недопустимой к распространению, а оказалось, что молва летит быстрее света.

— И все в это поверили? — спросил я, развивая мысль.

— Официального объявления о вашей смерти до сих пор не было, но слухи ходят...

Глаза примата за скоплением линз прищурились еще сильнее.

— Вильгельм попросил меня лично их подтвердить.

Вильгельм. Непривычно было слышать, чтобы императора упоминали так фамильярно.

Арриан откинулся в кресле и подкрутил линзы, чтобы лучше видеть меня на расстоянии. За стеклами его глаза выглядели громадными, придавая ему гротескный, почти совиный облик.

— Где вы были?

— Арриан, расскажите мне, кто такой Гибсон, — парировал я, — и я отвечу на все ваши вопросы.

— Скоро вам отвечать перед его величеством.

— Перед его величеством, безусловно, — согласился я. — Но не перед вами.

На этом разговор застопорился. Тор Арриан снял оптический прибор, повернул маленькую латунную ручку и снова водрузил аппарат на голову. Примат весьма ловко скрывал нетерпение, но я, за долгие годы привыкший к нюансам сельсинских жестов и выражений, легко читал его обеспокоенность.

— Перед смертью у Тора Гибсона случился удар, — сказал я. — Он забыл, где находится. Считал, что на Белуше.

Услышав название планеты-тюрьмы, Арриан быстро сморгнул.

— Примат, для схоласта вы чересчур эмоциональны.

Огромные затуманенные глаза снова заморгали.

— Схоластов много, — произнес Арриан. — Я не знаю настоящих имен и биографий каждого.

— Вздор, — без тени сомнения возразил я. — Вы примат Имперской библиотеки. Он был вашим архивариусом.

Схоласты были обучены запоминать колоссальные объемы информации. Мастерски владели мнемоникой. Нелепо было пытаться убедить меня, что он не знал о прошлом Гибсона.

Положив руку на стол, я слегка наклонился:

— Я понимаю, что мой запрос противоречит традициям. Но также знаю, что ответ на него не нарушит правил Предписания. Прошу вас, Арриан. Тор Гибсон был мне... как отец. Я хочу узнать его настоящее имя. Только и всего.

Тор Арриан снова перемешал бумаги и, крихтя, поднялся. Для глубокого старика он был весьма проворен; его ноги в тапочках быстро зашуршали по тавросианскому ковру, расстеленному на гладком каменном полу. Из ниши над столом выглядывал бюст Зенона. Примат молча подошел к высокому сводчатому окну, выходившему на четырехугольный двор, коих в атенеуме было множество.

— Лорд Марло, вы знаете, что собой представляет наш орден? — спросил он, сцепив за спиной узловатые пальцы.

Я не ответил, почувствовав, что не должен мешать стариковской речи.

— Это канава, куда великие дома сливают свои нечистоты, — сказал Тор Арриан, опустив голову.

Я остолбенел. Я готов был услышать от примата что угодно, но не это.

— На одного из нас, наставленного имперскими лордами на вечное служение, приходится десяток бесполезных. В этих стенах заключены сыны и дочери Империи, кого родители сочли недостойными. Те, кто оказался непригоден править, непригоден служить в легионах, непригоден стать священником... те, кого не смогли выгодно женить или выдать замуж.

— Как это? — спросил я, повернувшись к нему в кресле.

Труд схоласта требовал предельной дисциплины, многолетних занятий и тренировок, чтобы усвоить информацию, объема которой хватило бы на несколько библиотек.

— Спросите совета у кого-нибудь из братьев-кухарей, и они лишь тупо посмотрят на вас в ответ, — сказал Арриан. — Попросите их дать оценку имперским расходам за последнюю тысячу лет или рассчитать, сколько топлива должно производиться за определенный период в конкретном галактическом секторе, и они ничего вам не скажут...

Из окна на меня уставилось отражение примата.

— Большинство из нас здесь не по своей воле и не благодаря нашим талантам, а потому что мы — обуза.

Я был ошеломлен. Не мог поверить своим ушам. Мне в юности так рьяно хотелось стать схоластом, я так об этом мечтал! Откровения о том, что сюда попадают в наказание, были для меня столь же чужды, как грязные ямы Эуэ.

— Меня заставили вступить в орден, — признался главный схоласт. — В императорском роду много отпрысков... которым запрещено иметь детей еще со времен Великой хартии.

Тор Арриан умолк и снова снял свои сложно устроенные очки.

— Вы должны понимать, — вздохнул он, — что к нам приходят люди всех сортов. Изгои. Беглецы. Преступники. Мы обучаем даже крестьян, чтобы те могли вернуться назад в деревни в качестве инструкторов и советников, хотя истинным

схоластом плебей, разумеется, стать не может. Они попросту не живут столь долго.

Без причудливого созвездия линз на лице примат снова стал похож на рыжеволосую копию императора, напомнил мне прежнего молодого Арриана, с которым я встречался в тот первый визит, только похудевшего и изможденного.

— Вот и в истории Тора Гибсона нет ничего необычного.

— Расскажите, — попросил я, изводясь из-за того, что старик тянул время.

Внутри меня змеиными кольцами вдруг начала сжиматься тревога.

— Вам известно о восстании сентябристов? — спросил схоласт и повернулся спиной к окну.

Я помотал головой.

Он разочарованно вздохнул и сказал:

— Наша история слишком обширна, даже с учетом сельсинов. У нас чересчур много планет. Скоро мы не сможем фиксировать абсолютно все. Порой я думаю, что Империя того и гляди развалится под собственной тяжестью.

Я не стал говорить, что она уже разваливается, не стал напоминать о потере Наугольника.

— Это случилось еще до сельсинского вторжения, — продолжил Тор Арриан. — В начале шестнадцатого тысячелетия, во время правления дедушки нашего сиятельного императора. Принц Шарль Бурбон Пятьдесят Третий лишил своего старшего сына Филиппа наследства в пользу младшего, будущего Шарля Пятьдесят Четвертого, принца Веро.

— Дом Бурбонов? — пробормотал я, припоминая эту историю: принц Филипп Бурбон был отцом лорда Августина.

— Принц Филипп организовал покушение на брата. Оно не удалось, и тогда он переманил на свою сторону часть младших домов, присягнувших на верность Бурбонам. Почти двадцать лет шла пойна, пока сын Филиппа, ныне покойный лорд Августин, не сдал отца людям принца Шарля в обмен на собственную жизнь и свободу...

Одна линза сложных очков Арриана переместилась выше, вероятно отреагировав на слабую перемену в освещении.

— ...Не удивлен, что вы не знакомы с этой историей. Она случилась за несколько веков до вашего рождения, а Веро весь-

КРИСТОФЕР РУОККИО

ПРАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Татьяна Щигельская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Маргарита Ахметова, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.12.2023.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 2500 экз.
Усл. печ. л. 37,24. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-KNF-32831-01-R